

Дикие животные как источник повышенной опасности

**Научный руководитель – заместитель заведующего кафедрой земельного и экологического права РГУП им. В.М. Лебедева, доцент кафедры к.ю.н.
Алексеева Надежда Анатольевна**

Ворчик Богдана Александровна

Студент (бакалавр)

Российский государственный университет правосудия, Очный юридический университет,
Москва, Россия

E-mail: dana.vorchik@bk.ru

Право на благоприятную окружающую среду, закрепленное в ст. 42 Конституции РФ, предполагает не только публично-правовую охрану животного мира, но и существование эффективного частноправового механизма возмещения вреда, причиненного объектам животного мира и среде их обитания [4]. Однако действующее правовое регулирование не устраняет одну из ключевых теоретических и практических проблем: в гражданско-правовой плоскости дикое животное продолжает рассматриваться преимущественно как категория имущества, тогда как его объективные природные свойства — самостоятельность поведения, непредсказуемость реакций, невозможность полного контроля со стороны человека — требуют специальной юридической оценки [3, 6].

Формально такой подход основан на том, что в силу ст. 137 ГК РФ к животным применяются общие правила об имуществе, если иное не установлено законом [3]. Вместе с тем, дикое животное не может быть сведено к обычному имущественному объекту. В отличие от вещи в традиционном гражданско-правовом понимании, оно обладает собственной биологической активностью и способно причинять вред независимо от воли лица, которое осуществляет над ним содержание, использование, перемещение или иное фактическое господство.

В научной литературе справедливо отмечается, что поведение животных требует самостоятельной гражданско-правовой квалификации, поскольку животное занимает особое положение среди объектов гражданских прав [6]. Это положение обусловлено тем, что животное, оставаясь объектом права, одновременно обладает качествами, исключаящими его абсолютную подконтрольность человеку. Для диких животных данная характеристика выражена наиболее ярко. Именно поэтому дикое животное, изъятое из естественной среды обитания, следует рассматривать не как обычное имущество, а как особый объект гражданских прав, обладающий опасными свойствами, поскольку оно сохраняет способность причинять вред и не поддается полному контролю со стороны человека [2, 6]. Следовательно, в рамках деликтного права возникает вопрос о том, достаточна ли здесь общая модель ответственности, основанная на доказывании вины, либо требуется применение более строгого правового режима.

На практике это приводит к неоднозначному разрешению споров. В одних случаях суды исходят из общих положений о деликтной ответственности и акцентируют внимание на вине причинителя вреда, в других — обращаются к конструкции источника повышенной опасности по ст. 1079 ГК РФ, при которой ключевое значение приобретает не субъективное отношение лица к последствиям, а сама повышенная вероятность причинения вреда вследствие невозможности полного контроля за опасным объектом [1, 3]. Показательной в этом отношении является практика апелляционных судов, в которой оценка фактических обстоятельств исходит из того, что юридически значимым является не только формальный имущественный статус животного, но и его объективные опасные свойства. Так, в

апелляционном определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Адыгея по делу № 33-2725/2023 было отмечено, что вредоносность и бесконтрольность действий крупных домашних и диких животных, находящихся у граждан или юридических лиц, позволяет при определенных обстоятельствах относить их к источникам повышенной опасности [1]. Тем самым суд фактически связал возможность применения более строгого режима гражданско-правовой ответственности не с формальной принадлежностью животного к имуществу, а с невозможностью полного контроля за его поведением.

Представляется, что общая деликтная модель не всегда отвечает существу соответствующих отношений. Если вред причиняется в связи с содержанием, транспортировкой, эксплуатационным использованием, демонстрацией или иным контролируемым взаимодействием человека с диким животным, источником повышенного риска выступает не только сама деятельность, но и объект, чьи природные свойства исключают возможность полного контроля. В этой части более обоснованным является применение конструкции повышенной опасности, закрепленной в ст. 1079 ГК РФ [3].

При этом более точной является не формула о признании любого дикого животного самостоятельным источником повышенной опасности, а подход, при котором дикое животное рассматривается как особый объект, обладающий повышенно опасными свойствами, а деятельность по его содержанию, перемещению, использованию и иному контролируемому взаимодействию с ним — как деятельность, создающая повышенную опасность [2, 3, 6]. Именно такая конструкция согласуется с логикой ст. 1079 ГК РФ, традиционно связывающей повышенную опасность прежде всего с деятельностью субъекта, но учитывающей свойства используемого объекта.

Предлагаемый подход соответствует и специальному экологическому регулированию. Так, ст. 56 Федерального закона «О животном мире» закрепляет обязанность возмещения вреда, причиненного объектам животного мира и среде их обитания [5]. Следовательно, законодатель уже исходит из особой ценности животного мира как самостоятельного объекта охраны. Однако для гражданско-правовой ответственности этого недостаточно: без специального акцента на повышенно опасных свойствах диких животных правоприменение сохраняет колебания между общей деликтной моделью и более строгим режимом ответственности. В результате сходные по существу ситуации могут разрешаться по различным правилам.

Нормативное уточнение соответствующего режима позволило бы решить сразу несколько задач. Во-первых, оно обеспечило бы большую определенность в квалификации споров о причинении вреда, связанного с дикими животными. Во-вторых, оно усилило бы превентивную функцию гражданско-правовой ответственности, стимулируя субъектов к повышенному стандарту осмотрительности при обращении с такими объектами. В-третьих, оно способствовало бы согласованию гражданско-правового и экологического регулирования, поскольку повышенная опасность в данном случае объективно вытекает из самой природы соответствующего объекта [3, 5, 6].

Таким образом, дикое животное не должно рассматриваться исключительно как обычное имущество. В связи с этим представляется целесообразным нормативно закрепить подход, в силу которого дикое животное признается особым объектом, обладающим повышенно опасными свойствами, а деятельность по контролируемому взаимодействию с ним — деятельностью, создающей повышенную опасность в смысле ст. 1079 ГК РФ [3]. Такой подход способен повысить эффективность возмещения вреда и усилить правовую охрану животного мира как элемента благоприятной окружающей среды [4, 5].

Источники и литература

- 1 Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Адыгея по делу № 33-2725/2023.
- 2 Внедоговорные охранительные обязательства: Учебное пособие / Под ред. А.В. Головизнина. М.: Юстицинформ, 2015.
- 3 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025).
- 4 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
- 5 Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О животном мире».
- 6 Филишова С.Ю. Гражданско-правовая квалификация явлений, связанных с поведением животных: проблемы правоприменения // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. № 5. С. 3–15.